

— М-м... полегче...

Фу Гэ издал тихий, низкий стон, а в следующую секунду громкий удар заставил воздух вздрогнуть — его с силой прижали к двери.

Ци Хань мягко прикрыл ладонью его затылок, обхватил пальцами хрупкую шею, а большим пальцем приподнял подбородок, заставляя поднять взгляд, и без малейшего предупреждения впился в губы, целуя почти жадно, почти яростно.

Фу Гэ даже не помнил, как оказался здесь — он просто был донесён до комнаты, пронесён через весь второй этаж, пока Ци Хань буквально летел вверх по лестнице, не сбавляя скорости, как будто ему не было дела ни до ран, ни до усталости.

А потом дверь захлопнулась, и единственное, что теперь наполняло пространство — это их тяжёлое дыхание, их сливающиеся губы, язык, тепло кожи.

— Ты моя звезда удачи... — выдохнул Ци Хань между поцелуями.

И, кажется, в этот миг осознание ударило по нему с новой силой. В глазах мелькнул блеск, в горле что-то сжалось, а голос задрожал, охрип, наполнился влажной глубиной:

— С тобой... всё начало налаживаться. Всё стало хорошо...

У него есть любимый человек.

Есть ребёнок.

Есть дом.

И теперь он может оставить метку.

Всё, что когда-то было потеряно, возвращается. Всё, что было разбито, снова соединяется.

— Ещё пять дней... — Фу Гэ, всхлипывая, прижался к нему, горячие слёзы текли по щекам, но он не отстранялся, не прятался, наоборот — прижимался теснее, сильнее, словно хотел раствориться в этих руках. — Через пять дней ты оставишь метку, да?..

Его голос дрожал.

— Пять лет... Я больше ни минуты не хочу ждать...

Ци Хань легко коснулся губами его влажных щёк, втянул солоноватую влагу, улыбнулся сквозь тяжёлый, срывающийся выдох.

— Да.

Его руки были огромными, когда он раздвигал пальцы, мог одновременно накрыть и затылок, и боковую часть лица.

Сзади, со спины, его мускулистая фигура смотрелась грозно, широченные плечи и напряжённые рельефные мышцы спины будто разрывали ткань рубашки, подчёркивая силу тела, созданного для борьбы и победы.

Его тело — воплощённое совершенство.

Сила, которой невозможно противостоять.

И сейчас эта сила загоняла маленького бету в угол, закрывала его, окружала, впитывала в себя, раз за разом лаская, нежно разрывая, сокрушая его мир, пока не останется ничего, кроме Ци Ханя.

Как будто царь зверей в джунглях нашёл свою пару.

— А-а... А-Хань... Я... я задыхаюсь!

Фу Гэ, задыхаясь, с силой прикусил чужие губы, и только это дало ему возможность наконец отстраниться.

Он прижался ладонью ко рту, тяжело дыша, полуспущенный на его грудь, с головой завалившись в его объятия. Всё его тело дрожало от нехватки кислорода, грудь то сжималась, то резко вздымалась, а широко распахнутые, до предела влажные глаза отражали золотистый свет комнаты.

Если бы не крепкие руки, плотно сомкнутые на его талии, он бы просто рухнул на пол.

Но сам Ци Хань был немногим лучше.

Он тяжело дышал, горячее дыхание окутывало его шею, и каждый новый выдох опалил кожу за ухом, заставляя Фу Гэ медленно закрыть глаза и вздрогнуть от чувства, растекающегося по позвоночнику.

— Жарко... — выдохнул он почти прерывистым шёпотом, чуть поворачивая голову, словно

жалуясь.

Но Ци Хань только глухо рассмеялся, звук получился низким, тёплым, пропитанным наслаждением и полным удовлетворением.

В этот момент он был прекрасен. Как огромный, ленивый зверь, окутавший добычу и теперь наслаждающийся победой.

— Я ещё не нацеловался.

Он захватил его снова, только теперь медленнее, смакуя, целовал линию подбородка, спускался ниже, теплом ладоней покрывал его дрожащее тело, прокладывая дорожку по спине, пока жара не начала просачиваться сквозь ткань, обжигая, оставляя следы.

Фу Гэ задрожал, выдохнул сдавленно, горло сжалось, и он непроизвольно запрокинул голову, подставляя шею, почти молча умоляя отпустить.

— Слишком грубо... — его губы чуть приоткрылись, голос был хриплым, тихим, он ловил воздух, не в силах прийти в себя. — Я не могу дышать...

Но разве можно ожидать, что Ци Хань остановится?

С опьянённой радостью, с чувством триумфа, с взвинченным до предела возбуждением, он не отпускал его ни на сантиметр.

— Я буду нежнее... Дай мне ещё немного.

Фу Гэ поджал губы, в глазах светилось недоверие — сколько раз он слышал эти слова? И сколько раз они ничего не значили?

Он даже подался вперёд, демонстративно подставляя свою израненную, искусанную губу, с которой уже начала просачиваться капля алой крови.

— Посмотри, ты меня всюду кусаешь.

Ци Хань замер, выругался сквозь зубы, а затем большим пальцем осторожно провёл по влажному, растрескавшемуся месту.

Фу Гэ вздрогнул, рвано выдохнул, а в следующую секунду по его телу пробежала волна мурашек, и сдавленный, тихий стон сорвался с губ.

— Больно?..

Маленький бета задумался на пару секунд, глаза дрогнули, на губах застыло что-то неуверенное, а затем он тихо выдохнул:

— Угу...

— Врёшь.

Ци Хань наклонился ближе, лоб к лбу, заглянул прямо в глаза, губы чуть изогнулись в насмешке, в голосе прозвучала уверенность, граничащая с наглостью:

— Я вижу, что тебе приятно.

— Я...!

Щёки полыхнули малиновым, взгляд беспомощно метнулся в сторону, но сбежать было некуда, и в конце концов Фу Гэ сдался, недовольно уперевшись лбом ему в плечо:

— Ты ужасно раздражаешь...

Это было настолько прекрасно, что Ци Ханю захотелось его съесть.

Он тихо рассмеялся, поцеловал покрасневшую, распухшую от укусов губку, наслаждаясь тем, как Фу Гэ дёрнулся, но не отстранился.

— Такой чувствительный... ничего не можешь выдержать.

Тянущая, неторопливая боль — лучший катализатор для Фу Гэ.

Ци Хань не стал больше целовать его, вместо этого одной рукой сжал талию, а второй — небрежно скользнул по губам, лениво поглаживая, словно изучая текстуру.

И наблюдал.

Как с натянутого сопротивления тот перешёл в притворную неохоту, затем в полное погружение, а в конце даже начал тянуться к нему сам, с тихими, нерешительными движениями губами касаясь его пальцев, легонько покусывая их.

И в тот момент, когда Фу Гэ в рассеянном забытии коснулся кончиком языка его подушечек,

пальцы вдруг отпрянули.

Губы беты дрогнули в пустоте, дважды, рефлекторно, будто всё ещё пытались поймать несуществующее прикосновение, прежде чем он осторожно открыл глаза.

Сквозь затуманенный взгляд он молча, немного растерянно посмотрел на него, не сказав ни слова, но в глазах читалась тихая, необъяснимая обида.

Ци Хань не мог дальше мучить его.

Он опустился ниже, их носы мягко соприкоснулись, дыхание смешалось, и он чётко, без двусмысленности озвучил единственное, чего хотел сейчас:

— Я хочу тебя укусить.

Фу Гэ застыл, взгляд его расширился, а шея мгновенно залилась жарким румянцем.

Он знал, что высокоуровневые альфа после взросления развивают острые клыки, и что в это время в деснах постоянно ощущается ноющее покалывание, а челюсти зудят от желания кусать.

Желание вгрызаться в плоть своего партнёра становилось настолько сильным, что без регулярного удовлетворения могло довести до настоящего безумия.

А последний раз, когда он позволил себя укусить, был три месяца назад.

Любой другой альфа уже бы давно сорвался.

Фу Гэ долго молчал, и Ци Ханю показалось, что тот колеблется, возможно, даже не хочет.

Его радость чуть поблекла, и, стараясь не выдать этого, он осторожно, почти робко, коснулся губами кончика его уха, шепча с ласковой мольбой:

— Только один раз. Я сделаю это легко. Я не причиню тебе боль.

Но чем выше уровень, тем острее зуд в деснах, тем сильнее зудели клыки, тем невыносимее было это неудовлетворённое желание.

Ци Хань нахмурился, провёл языком по напряжённым зубам, попытался хоть как-то сгладить это чувство, но от этого становилось только хуже.

— Малыш, пожалуйста... Я не выдерживаю...

Фу Гэ резко вздрогнул, опустил взгляд, нервно коснулся своей железой на шее, словно проверяя её состояние, затем глубоко вздохнул, обнял его за шею и тихо пробормотал:

— Я... я хочу в гнездо.

Ци Хань замер, затем улыбнулся, его глаза озарились.

— Как скажешь.

Он нагнулся, легко подхватил его на руки, и не сдержав эмоций, швырнул вверх, ловя в воздухе.

— Эй! — Фу Гэ испуганно вскрикнул, но сразу же плюхнулся обратно в его руки, сердито уткнувшись в грудь. — Ты же ранен! Будь осторожен!

— Я в порядке, не больно.

Ци Хань взволнованно кружил его на месте, глаза светились такой искренней радостью, что хотелось бежать, смеяться, дурачиться, орать всему миру, потому что этот мир снова был к нему благосклонен.

— Ты правда любишь это гнездо, да?

Фу Гэ, поймав его настроение, фыркнул, прижался лбом к его лбу, наигранно нахмурился:

— Ты неисправим. Ты, правда, как ненасытный пёс.

Ци Хань засмеялся.

— Не "как", а и есть. Я твой пёс, и мне каждый день хочется затащить тебя в нору и погрызть.

Как только они оказались в изолированной комнате, Ци Хань сразу же опустил его прямо в гнездо, аккуратно уложил на подушки и замер, смотря, как маленький бета уютно устраивается, зарывается в мягкость и смотрит на него снизу вверх.

Боже.

Это было то самое чувство.

Как будто весь мир — в его руках.

— Пять лет назад, когда ты впервые позволил мне тебя укусить, ты был таким же покорным.

Ци Хань опустился ниже, поймал его губы нежным, почти нереально мягким поцелуем, таким, будто боялся растворить его в своих руках.

— В тот раз ты был ещё чувствительнее, чем сейчас. — Его голос был низким, ленивым, но в нём сквозило тонкое удовольствие от воспоминаний. — Я даже не успел тебя коснуться, а ты уже вздрогнул и забился, словно до смерти испугался.

Фу Гэ улыбнулся, запрокинул голову, подставляя шею под его губы.

— У тебя слишком острые клыки, я, конечно, боялся.

— Да. Боялся. — Ци Хань хмыкнул, а затем его губы изогнулись в лукавой усмешке. — До тех пор, пока сам не начал меня преследовать, требовать, чтобы я кусал глубже, чтобы феромоны полностью заполнили твоё тело. Ты даже не дал мне остановиться.

— Эй! — Фу Гэ тут же сжал его ухо, нахмурившись. — Ты что, собираешься меня дразнить?

Но Ци Хань даже не попытался сопротивляться.

Он смеялся так сильно, что плечи вздрагивали, и в его глазах светилось чистое обожание.

— Нет. Я не дразню тебя, я восхищаюсь.

Он взял его лицо в ладони, большими пальцами провёл по скулам, дразняще касаясь губами кожи.

— Ты был таким трусливым и таким храбрым одновременно... Один укус — и ты уже плакал. Но даже плача, ты не пытался убежать.

И пока он говорил, его губы опускались всё ниже, пока не дошли до изящной линии шеи, пока не скользнули по белому кружевному ошейнику, закрывавшему железу.

Зубы снова занемели.

Тянущее, непреодолимое желание кусать снова вспыхнуло в груди.

— Я ведь ещё ни разу не видел твою новую железу.

Он медленно расстегнул застёжку на шее, пальцами сжал край кружева, готовясь снять его.

— Была ли реакция отторжения?

Но в следующую секунду Фу Гэ дёрнулся, его рука рефлекторно вцепилась в его запястье.

В застывших, туманных глазах мгновенно пронеслась ясность, страх, что-то ещё, спрятанное в глубине.

— Подожди!

Его голос задрожал.

Глаза расширились.

— А-Хань, я...

Резкий стук в дверь прервал их разговор, словно чья-то тяжелая ладонь с размаху ударила по деревянному полотну.

Они переглянулись - и одновременно усмехнулись. Ци Хань раздражённо уткнулся носом в плечо Фу Гэ, глубоко вдыхая его запах, словно прячась от всего остального мира.

— Почему всегда кто-то мешает...

Маленький бета с усмешкой сжал его щеки, растягивая губы в легкомысленной, почти детской ласке.

— Иди, открой.

Ци Хань с раздражённым вздохом поднялся, выбрался из уютного гнезда. Фу Гэ встал следом, опустив голову, медленно приводя в порядок одежду. Пальцы неторопливо скользили по пуговицам, мысли же плелись вязким узором, спутанным тревогой. Наконец, после долгого молчания, он решился.

— А Хань... на самом деле, я давно хотел тебе кое-что сказать...

Ци Хань уже был у двери, рука легла на ручку, но он обернулся, услышав его голос.

— Что, братец?

Ручка повернулась — и в ту же секунду багровая точка замерцала у него на плече.

Фу Гэ видел это. Видел, как кровь отхлынула от лица, видел, как ледяная догадка пронеслась в расширенных глазах.

— А Хань, беги!

Голос, сорвавшийся на крик, сам того не осознавая.

Ци Хань успел обернуться, успел увидеть, что их ждёт за дверью, и бросил Фу Гэ в сторону, вкладывая в этот толчок всю свою силу.

— Беги!

И в следующий миг прогремел выстрел.

Оглушительный, режущий слух.

Пуля вошла в грудь, пробив кожу, мышцы, разрывая плоть. Кровь брызнула на пол густыми каплями, а сам Ци Хань вздрогнул, будто не до конца понимая, что произошло. Глаза метнулись к Фу Гэ, взгляд — полный неверия. Он сделал попытку шагнуть вперёд... но тело его не послушалось.

Он рухнул.

На крыше в пятидесяти метрах от них затаился снайпер — молчаливый, безликий, закончивший свою работу.

На лестнице тяжёлые шаги — две группы полиции ворвались в здание, лидер сжимал в руке рацию, голос резкий, безжалостный:

— Подозреваемый в торговле железами ликвидирован!

Маленький бета медленно осел на пол. Все вокруг перестало существовать. Ледяной ужас сковал дыхание, сердце, пальцы, взгляд.

Полсекунды тишины.

А затем она взорвалась.

— А Хааааань!!!

<http://bllate.org/book/14453/1278360>